Э. Энклитики

Э. – безударные или слабоударные элементы предложения, стоящие непосредственно за ударным словом. Э. входят в более широкий класс к л и т и к – просодически ослабленных элементов, не способных формировать фонетическое слово (тактовую группу) самостоятельно, вне комбинаций с другими элементами. Наряду с Э. класс клитик включает п р о к л и т и к и – безударные или слабоударные элементы предложения, стоящие непосредственно перед ударным словом, и э н д о к л и т и к и – синтаксические элементы, разрывающие комплекс морфем другого слова. В истории рус. языка и в др. слав. языках в роли Э. обычно выступают частицы (ср. рус. *же*, *ли*, *бы*, *-ка*, др.-рус. *бо* ‘потому что’, позднедревнерус. *дѣи* ‘по чьим-то словам’), краткие формы местоимений (ср. др.-рус. *ми*, *ти*, *мя*, *тя*, *ся*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*), просодически ослабленные связочные формы глагола, прежде всего формы наст. вр. связки ‘быть’ (ср. др.-рус. *есмь*, *еси*, *есме*, *еста*, *есте*, *есвѣ*). В роли проклитик обычно выступают предлоги и безударные союзы (ср. *и*, *а*, *нъ*, *да*, *ци* ‘разве’), а также отрицательные частицы (ср. *не*, *ни*). Эндоклитики в истории рус. и др. вост.-слав. языков развиваются в связи с закреплением «разрывных» словоформ в парадигмах отрицательных, позже – неопределенных местоимений, ср. *никто*, *кое-кто* ~ *ни* ***для*** *кого*, *кое* ***у*** *кого*.

Существуют два принципиально различных подхода к определению клитик, при к-рых границы данного класса элементов устанавливаются по-разному. Согласно первому подходу, опирающемуся на идеи Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо, клитики выделяются по совокупности собственно фонетических признаков, безотносительно к синтаксическим свойствам элемента предложения. Клитики, диагностированные при помощи такой процедуры, принято называть фонетическими. Главным свойством фонетических клитик является неспособность формировать фонетическое слово, не комбинируясь с другими словами. Так, в раннем др.-рус. языке проклитики *а*, *ци*, *не* и Э. *же*, *ли*, *бы* сами по себе не формировали фонетическое слово, но фонетические слова, состоящие из комбинаций проклитики и Э., были возможны, ср. др.-рус. *а* = *бы*, *а* = *же*, *ци* = *ли* = *же* (знак = указы-

вает на присоединение клитики). В более поздний период истории рус. языка сочетания, восходящие к проклитико-энклитическим комплексам, превращаются в самостоятельные единицы словаря – частицы, наречия или союзы, ср. *а-бы*, *да-бы*, *ка-бы*, *и-ли*, *а-ли*, *да-же*. В рамках данного подхода обычно принимается допущение о том, что фонетические Э. и проклитики в каждом языке обладают общими свойствами в плане фонотактических ограничений, допустимых сочетаний фонем, слоговой структуры, ударения/безударности, тональных просодий и т. п.

Согласно альтернативному подходу, восходящему к идеям Я. Ваккернагеля и А. Звики и ориентированному на выделение клитик по совокупности синтаксических признаков, позиция элемента в предложении – часть определения клитики, поскольку клитики предположительно занимают позиции, недоступные полноударным элементам предложения. Данный подход опирается на сделанное в конце XIX в. наблюдение, т. н. закон Ваккернагеля, о наличии в древних и.-е. языках синтаксических клитик, занимающих фиксированное место после первого ударного элемента предложения. Позже Р. О. Якобсон показал, что закон Ваккернагеля действует и в ряде слав. языков нового времени. Строгое доказательство того, что закон Ваккернагеля действовал в др.-рус. языке, было впервые представлено в 1990-е гг. А. А. Зализняком, к-рый обобщил наблюдения над употреблением Э. второй позиции в корпусе берестяных грамот и в других др.-рус. памятниках, выведя соблюдаемое во всех др.-рус. текстах правило относительного расположения Э. второй позиции – т. н. правило рангов.

В конце XX в. Дж. Сейдок, А. А. Зализняк и ряд других лингвистов обосновали тезис о том, что множества фонетических и синтаксических клитик, т. е. клитик, выделяемых по совокупности фонетических или синтаксических признаков, могут не совпадать в пределах одного и того же языка. В связи с этим фонетические и синтаксические Э. др.-рус. языка необходимо рассматривать отдельно.

Ф о н е т и ч е с к и е Э. К классу фонетических клитик в др.-рус. языке может быть отнесено ок. 70 элементов, к-рые делятся на несколько подгрупп в зависимости от того, могут ли они принимать ударение фонетического слова или нет. Нек-рые элементы имели парные употребления в качестве Э. и проклитик: так, частица *да* в сочетании ***да*** *будеть* вела себя

как проклитика, но в сочетаниях типа *не* ***да*** *створю* выступала как энклитика. Та же двойственность присуща элементу *нъ* (> *но*), к-рый в функции начального союза был проклитикой, а в функции дискурсивной частицы (ср. *обаче* ***нъ*** *суть* ‘но все-таки они есть’) выступал как энклитика. Большинство др.-рус. Э. не имело парных употреблений в позиции проклитик и наоборот. В нек-рых случаях Э. коррелируют с полноударными словами, имевшими тот же фонемный состав, ср. энклитику *ли* и начальный полноударный союз *ли*; то же соотношение, вероятно, восстанавливается в паре «энклитика *бо* / начальный союз *бо*».

Э., принимающими ударение, были частицы *же*, *ли*, *бо*, *се* (*сь*) (ср. сочетания типа *яко* ***же*** и формы типа *ноче****сь*** ‘этой ночью’**,** *осене****сь*** ‘минувшей осенью’ и т. п.), а также частица *да* в сочетаниях типа *и да*, формы местоимений дат. п. и вин. п. 1–2 л. ед. ч. и возвратного *ми*, *ти*, *си*, *мя*, *тя*, *ся* и глагольные формы аориста *бѣ* и *бы*, у к-рых сохранялись полноударные варианты. Э., не принимающими ударения, были формы местоимений дат. и вин. п. 1–2 л. мн. и дв. ч. *ны*, *вы*, *на*, *ва*, формы вин. п. указательного местоимения *и*, *ю*, *е*, *ѣ*, *я*, предположительно также связочные формы 1–2 л. наст. вр. глагола *быти* – *есмь*, *еси*, *есмъ* (*есме*, *есмы*, *есмо*, *есмя*), *есте*, *есвѣ*, *еста*, когда они употреблялись в составе перфекта, типа *посълалъ есмь*, а также формы -*л*-причастия *былъ*, *была*, *была*, *было*, когда они употреблялись в составе т. н. русского плюсквамперфекта (см. Прошедшее время), типа *посълалъ* ***есмь былъ***. У связочных форм глагола *быти* сохранялись полноударные варианты. Фонетическими Э. были раннедревнерус. частицы $ти_1$ ‘в самом деле’, ‘действительно’, *нъ* ‘однако’, *ка* (ср.: *а ныне* ***ка*** *посли къ тому мужеви грамоту* ‘а теперь пошли-ка этому человеку грамоту’) и позднедревнерус. частица *дѣи* ‘по чьим-либо словам’: по письменным памятникам не удается установить, могли ли они принимать ударение. Статус Э. (скорее всего, не принимавших ударение) могли иметь также выступавшие в роли вводных слов формы глаголов речи – *реку*, *рече*, *рьци*, *молвить*, *молвилъ*, *молви*, ср.: *А всякъ,* ***рече****, попъ братъ есть попу* ‘А все попы, – сказал он, – друг другу братья’.

Большинство др.-рус. проклитик, а также все приставки, кроме *вы-*, *па-*, *пра-*, *су-* (ср. место ударения в рус. *в****ы****вод*, *п****а****сынок*, *пр****а****дед*, *с****у****кровица*), не принимали на себя ударения. Исключение составляет элемент *нѣ-*

в составе неопределенных местоимений и наречий (ср. место ударения в рус. *не́кто*, *не́что*, устар. *не́где* ‘где-то’ [у А. С. Пушкина: *Негде*, в тридевятом царстве]). Проклитиками, не принимавшими ударения, были начальные союзы и частицы *и*, *а*, *нъ*, *не*, *ни*, *да*, возможно, также начальная частица *ци* ‘разве’, а также предлог *къ* и все предлоги, коррелирующие с приставками: *без*, *въ*, *въз*, *до*, *за*, *из*, *на*, *надъ*, *о* (*об*), *отъ* (*от*), *передъ* (и ц.-слав. *предъ*), *по*, *подъ*, *при*, *про*, *съ*, *у*, *чересъ* (и ц.-слав. *чресъ*).

Для определения просодического типа др.-рус. клитики обычно достаточно указать ее позицию по отношению к ударному слову. Однако имеются три особых случая: 1) отдельные элементы, ср. др.-рус. *нъ* и др.-рус. *да*, обладали свойствами клитик как в препозиции, так и в постпозиции к другим элементам в составе фонетического слова; 2) в раннедревнерус. языке были возможны фонетические слова типа «проклитика + энклитика», ср. *а бы*, *ци ли*; 3) при формировании цепочки Э. не-первая энклитика цепочки отделена от ударного слова другой энклитикой, так, энклитическое местоимение *ми* при наличии во фразе энклитических частиц *ли*, *же*, *бо*, *ти*$_1$ и глагольной энклитики *бы* ставится после них, а не непосредственно после ударного слова, ср.: *Есть* ***ли ми****, владыко, в томь грѣх?* ‘Есть ли мне, владыка, в этом грех?’, *чимъ* ***ти ся есмь*** *обѣщалъ* ‘в чем я перед тобой обязался’.

Собственно фонетические комбинаторные свойства др.-рус. Э. и проклитик проявляются в их комбинациях со словоформами-неклитиками, а также в комбинациях типа «проклитика + энклитика». В просодической классификации Р. О. Якобсона – В. А. Дыбо все словоформы-неклитики делятся на два класса – ортотонические, обладающие постоянным словесным ударением, и энклиноменальные, при известных условиях отдающие свое ударение клитике. Место ударения в фонетических словах типа «энклиномен + клитика» подтверждается акцентуированными др.-рус. памятниками, такими как Чудовский Новый Завет (XIV в.), см. Ударение. По закону, выведенному Л. Л. Васильевым и М. Г. Долобко в нач. XX в. и уточненному В. А. Дыбо в 1970-е гг., ударение в комплексе «энклиномен + клитики» в др.-рус. языке при наличии Э. падало на последнюю энклитику, а при отсутствии Э. – на первую проклитику. Напр., комбинации энклиноменальной словоформы *воз* с проклитиками *и*, *не*, *на*

и энклитикой *же* акцентуируются по закону Васильева – Долобко так (С = – проклитика, = С – энклитика, Х – словоформа, к к-рой присоединяется клитика):

а. $\mathbf{C_1} = X$	**на́** воз
б. $\mathbf{C_2} = C_1 = X$	**не́** на воз
в. $\mathbf{C_3} = C_2 = C_1 = X$	**и́** не на воз
г. $C_3 = C_2 = C_1 = X = \mathbf{C}$	и не на воз **же́**

Закон Васильева – Долобко отражает более общий принцип, по к-рому автоматически вычисляемое ударение в группах типа «клитика + эклиномен» и «клитика + клитика» было ориентировано в др.-рус. языке на последний элемент фонетического слова. В частности, ударение в проклитико-энклитических комплексах раннедревнерус. периода изначально падало на энклитику: *и* ***ли́***, *да* ***бы́***, *нъ* ***ли́***, *да* ***же́*** и т. п. Сдвиг ударения в последующий период истории рус. языка связан с изменением принципов акцентуации, устранением противопоставления ортотонических и энклиноменальных словоформ и с превращением исходных сочетаний др.-рус. клитик в самостоятельные слова. Исторически проклитико-энклитическим комплексом было и относительное местоимение *иже* ‘который’, но на синхронном уровне энклитика *же* и местоименная проклитика *и* как отдельные синтаксические элементы в др.-рус. период в нем уже не выделяются.

Синтаксические Э. В качестве синтаксических Э. др.-рус. языка может рассматриваться большинство перечисленных выше фонетических Э., но они изучаются уже не как часть фонетического слова, а как элементы предложения и словосочетания. Синтаксические Э. делятся на локальные и сентенциальные. Первые относятся к сказуемому и в стандартном случае ставятся после первой ударной словоформы. Вторые модифицируют фонетически смежный (непосредственно предшествующий) элемент и лишены фиксированной позиции, отсчитываемой от начала предложения. К локальным Э. относились: 1) местоименные Э. вин. п. после предлогов, ср. *на* ***мя***, *за* ***ся***; 2) возможные в книжных памятниках местоименные клитики дат. п. в притяжательной функции, ср. второе *ти* во фразе *что воздамъ ти противу благодѣянию* ***ти*** ‘чем я отплачу тебе за

твое благодеяние’; 3) частица *же* в отождествительной функции (ср. *онъ* ***же***; *а то далъ Иванъ* ***же***), в присоединительной функции (*съ Гурьгьмь* ***жь*** *со Лукою* ‘с Гургием и с Лукой’) и усилительной функции при отрицательном местоимении или наречии, ср. *никъто****же***, *никогда****же***. Кроме того, к локальным Э. можно приравнять связанные употребления энклитических частиц в составе сложных союзов, ср. др.-рус. *аще* ***ли*** ‘если же’, *яко****же***, рус. *хотя* ***бы*** и т. п. Сентенциальные Э. др.-рус. языка подчиняются закону Ваккернагеля, локальные – нет. Сентенциальные Э. второй позиции могут образовывать цепочки, выстраиваемые в заданном порядке (ср.: *ако****же ми ся еси*** *самъ въреклъ* ‘как ты сам мне ранее обещал’); любые перестановки Э. в цепочке (ср. ***ми же ся еси*, ***же ся ми еси*, ***же еси ми ся*) исключены, поскольку для любой пары энклитик, например, для пар (*же*, *ми*), (*ми*, *ся*), (*ся*, *еси*), задан единственный линейный порядок, в к-ром они должны располагаться. Шаблоны упорядочения энклитик, называемые правилами рангов, выделяются во всех языках, где действует закон Ваккернагеля, в т. ч. в большинстве слав. языков древнего и нового времени, включая язык памятников др.-рус. и ср.-рус. периодов. Локальные клитики не образуют цепочек, сочетания типа **на же мя* невозможны.

Правило рангов древнерусских Э. Как установил А. А. Зализняк, правило относительного расположения сентенциальных Э. в др.-рус. языке включало 8 клеток, первые 5 из к-рых связаны с конкретными энклитическими частицами (*же*, *ли*, *бо*, *ти*$_1$ ‘действительно’) и формой аориста *бы*, тяготеющей к превращению в частицу, а последние 3 – с классами изменяемых слов (в порядке развертывания – местоименные Э. в дат. п., местоименные Э. в вин. п., связочные Э. форм 1–2 л. глагола *быти* в наст. вр.). При фиксированном порядке Э. правила их относительного расположения удобно задать в виде таблицы. Табличное представление подобного правила в отечественной традиции называется правилом рангов клитик, в зарубежной лингвистике в том же значении используется термин clitic template. Столбец таблицы определяется как ранг клитики / класса клитик. К одному и тому же рангу могут быть отнесены несколько клитик при условии, что они не встречаются в цепочке одновременно и упорядочиваются одинаково по отношению к клитикам других рангов. Этому условию удовлетворяют, например, связочные Э. 1 л. ед. ч. наст. вр.

есмь и 2 л. ед. ч. наст. вр. *еси*. Напротив, др.-рус. энклитическая частица *ти*$_1$ ‘в самом деле’, ‘действительно’, ‘ведь’ (ранг 4) и омонимичная ей местоименная энклитика 2 л. дат. п. ед. ч. *ти*$_2$ ‘тебе’ (ранг 6) относятся к разным рангам, поскольку частица *ти*$_1$ может сочетаться с местоименными клитиками дат. п. ранга 6, т. е. клитиками того класса, куда входит местоимение *ти*$_2$, ср.: *да* ***же ти*$_1$ *ми*** *будете дъбро* ‘если же у меня все будет хорошо’, *а Давыдъ* ***ти*$_1$ *ми*** *не въдалъ*‘а Давыд ведь мне [гривну] не отдал’).

Правило рангов древнерусских клитик

Частицы				Аорист	Местоимения		Связки
1	2	3	4	5	6	7	8
же	*ли*	*бо*	*ти*$_1$	*бы*	дат. п.	вин. п.	1–2 л. наст. вр. в ед., мн. и дв. ч.
					ми, *ти*$_2$, *си*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*	*мя*, *тя*, *ся*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*, *и*, *ю*, *е*, *ѣ*, *я*	*есмь* (*есми*), *еси*, *есмъ* (*есме*, *есмо*, *есмы*), *есте*, *есвѣ*, *еста*

Др.-рус. правило рангов имеет ряд особенностей, отличающих его от правил рангов зап.- и юж.-слав. языков. Как показано в таблице, в др.-рус. правиле рангов все Э. разбиты на три непересекающихся блока сообразно своей синтаксической категории: частицы и форма аориста, тяготеющая к превращению в частицу (ранги 1–5), местоимения (ранги 6–7) и связки (ранг 8). Характерными чертами др.-рус. правила рангов являются: 1) конечное положение связок 1–2 л. в цепочке энклитик, в т. ч. их постпозиция по отношению ко всем местоименным Э., ср.: *оже* ***ми ся есте*** *яли помогати* ‘…что вы вызвались помогать мне’, *оже* ***ны еси*** *холопы нарекла* ‘…что ты назвала нас холопами’; 2) отсутствие связок 3 л. в некнижных памятниках; 3) наличие большого блока энклитических частиц, предшествующих местоименным Э.

При анализе сложных союзов, включающих в свой состав связанные локальные Э., принято опираться на правила рангов Э. для того, чтобы установить, используется ли такой союз как самостоятельная лексическая единица или же на синхронном уровне еще интерпретируется как сочетание опорного слова с энклитикой. Правило рангов др.-рус. языка предпо-

лагало твердый порядок свободных, т. е. не привязанных к определенной словоформе, энклитических частиц *же* и *ли*, к-рые располагались в порядке *же ли*. Поэтому комбинация *аще же ли* ‘если же’, где энклитические частицы примыкают к начальному союзу, в раннедревнерус. период еще может анализироваться как сочетание простого союза *аще* ‘если’ с цепочкой из двух Э.: *аще* = *же* = *ли*. Напротив, параллельно представленная комбинация *аще ли же* подтверждает существование лексической единицы *аще ли*, к к-рой присоединяется энклитика *же*: [*аще ли*] = *же*. Альтернативное прочтение *ли же* как цепочки для данного периода исключено, так как порядок **ли же* противоречит др.-рус. правилу рангов.

Связочные клитики наст. вр. В некнижных др.-рус. памятниках связочных Э. 3 л. *есть* и *суть* нет. Это объясняется тем, что в живой др.-рус. речи материально выраженные связки в составе перфекта (см. Прошедшее время) исчезли уже в дописьменную эпоху. Напротив, в ст.-слав. языке и в ц.-слав. памятниках связки 3 л. сохранялись, поэтому наличие связок 3 л. *есть* и *суть* в книжных др.-рус. текстах может объясняться ц.-слав. влиянием. Материально выраженные связочные формы глагола ‘быть’ в 3 л. наст. вр. засвидетельствованы также в др.-чеш., др.-болг., др.-серб. и др.-хорватских памятниках. Т. о., отсутствие связочных Э. 3 л. – особенность др.-рус. диалектов, к-рая подтверждается материалом берестяных грамот, прочих деловых памятников новгородского и псковского диалектов и московскими грамотами. Та же картина наблюдается в смоленско-полоцком говоре XIII–XV вв. В то же время материально выраженные связочные Э. 3 л. в составе перфекта засвидетельствованы в ряде юго-зап. (укр.) грамот XIV в.

Местоименные Э. и дублетные формы местоимений. Для др.-рус. личных местоимений в дат. п. и вин. п. характерно наличие параллельных серий полноударных (ортотонических) форм и энклитик. В начале письменной истории система дублетных форм личных местоимений использовалась в соответствии со следующим принципом: энклитические местоимения являются обычным, выбираемым по умолчанию вариантом, полноударные формы носят эмфатический характер и преимущественно используются в контекстах, предполагающих логическое выделение, отрицание, сопоставление, ср.: *Я дала* ***тобѣ****, а Нѣжятѣ не дала*

‘Я дала [золото] [именно] **тебе**, а не Нежате!’. В контексте, не предполагавшем выделения, тот же носитель др.-рус. языка закономерно использовал местоименную энклитику *ти*$_2$ ‘тебе’: *Чему не восолеши, чето* ***ти есемо*** *водала ковати* ‘Почему ты не высылаешь то, что я **тебе** отдавала ковать?’. Аналогичным образом устроено большинство грамматических систем с серией местоименных клитик в языках, где действует закон Вакернагеля, а также в романских языках и новогреческом, т. е. в тех языках, с к-рыми длительное время контактировали балканские слав. языки. Контактное развитие с родственными и неродственными языками, имевшими дублетные серии местоимений, было одним из факторов диахронической стабильности местоименных Э. на юге и западе слав. ареала. Отсутствие таких контактов у большинства др.-рус. диалектов могло быть внешней причиной упадка системы местоименных Э. к концу др.-рус. периода. Внутренней причиной упадка системы местоименных Э., как показал А. А. Зализняк, была экспансия неэмфатических употреблений полноударных местоимений в сферу использования Э., что сделало последние функционально избыточными. К концу др.-рус. периода многие носители языка, видимо, уже не чувствовали разницы между полными и краткими (энклитическими) местоимениями, что приводило к немотивированным, в перспективе раннедревнерус. языка, заменам при обработке и переписывании текста. Кроме того, местоименные Э. разных лиц и чисел обнаруживают неодинаковую частотность: к концу др.-рус. периода в большинстве памятников регулярно используется лишь форма 1 л. дат. п. *ми*, в то время как прочие местоименные Э. постепенно вытесняются полноударными местоимениями.

Возвратные Э. В праслав. языке имелись возвратные Э. как в вин. п., так и в дат. п., но в истории рус. языка энклитика дат. п. *си* в своем прямом значении показателя возвратности при глаголах, образованных от невозвратных глаголов, к-рые управляли дат. п., типа *жалитиси* (см. Возвратные глаголы), за пределами книжных памятников употребляется нечасто. Возвратная энклитика вин. п. *ся* изначально занимала в цепочке клитик то же место, что и все прочие Э. вин. п. В отличие от других слав. языков, в др.-рус. памятниках нет примеров, где *ся* употребляется одновременно с невозвратными Э. вин. п. Соответствующая конструкция мо-

жет возникать при извлечении возвратной клитики из зависимого инфинитивного или причастного оборота. В др.-рус. языке такой перенос не реализовался автоматически, хотя был возможен, ср.: *можете ли* ***ся*** *за наю бити?* ‘можете ли вы биться за нас?’, где *ся* синтаксически относится к инфинитиву *бити*, а не к глаголу *можете*, с к-рым фонетически соотносится цепочка Э. = *ли* = *ся*.

В текстах др.- и ср.-рус. периодов возвратная клитика *ся* была высокочастотным элементом. Вместе с тем *ся* рано обнаруживает тенденцию к постановке после неначальной глагольной словоформы, ср. предсказываемый законом Ваккернагеля и правилом рангов др.-рус. языка порядок *ожь* ***ли ся*** *право запирають* ‘а если они и в самом деле не признаются’ с цепочкой Э. = *ли* = *ся* после первого ударного слова и реально представленный в грамоте начала XIII в. порядок *ожь ли право запираються*, где энклитика *ли* остается на своем месте, а *ся* перемещено в постпозицию к глаголу. Первоначально сдвиг энклитики *ся* определялся контекстным фактором, к-рый А. А. Зализняк назвал эффектом ритмико-синтаксического барьера: начальный элемент предложения проявляет просодические или коммуникативные свойства, к-рые делают ее непосредственное соседство с цепочкой Э. или какой-либо определенной энклитикой, как в примере выше, нежелательным. В памятниках XII–XV вв. набор барьеров, т. е. контекстных факторов, способствующих сдвигу энклитики *ся* в контактную постпозицию к неначальному глаголу, расширяется, а частотность предложений без барьера падает, что в итоге приводит к обобщению порядка «глагол + *ся*» и превращению *ся* из энклитики в глагольную морфему. Тем не менее клитика *ся* сохраняется как синтаксический элемент по крайней мере до начала XVII в. Существование возвратной клитики *ся* после того, как она перестала употребляться в устной речи, поддерживается благодаря воспроизводству ц.-слав. клише книжного стиля, ср. *а мнѣ* ***ся*** *мнит* ‘а мне кажется’ у И. Т. Посошкова (1724).

Энклитические частицы. Правило рангов раннедревнерус. периода включало пять энклитических частиц, располагавшихся в порядке *же*, *ли*, *бо*, *ти*$_1$, *бы*. Цепочки из двух энклитических частиц обычны, цепочки из трех частиц редки. Сочетание свободных Э. = *же* = *ли* (ранги 1 и 2) надежно документировано, но встречается редко. Энклитика = *бо* ‘по-

тому что’ (ранг 3) в живой речи была свойственна только юж.-рус. памятникам: на остальной территории Древней Руси она воспроизводится как черта книжного стиля. Энклитика *ти*$_1$ ‘ведь’, ‘на самом деле’ (ранг 4) чаще всего встречается в новгородских памятниках XII в., ср.: *селе* ***ти*** *есемо Коломене на лодию* ‘я в самом деле сел в Коломне на ладью’. Та же частица известна из памятников зап.-слав. языков, где она сохранялась дольше. Распознавание частицы *ти*$_1$ затруднено тем, что во многих контекстах ее можно отличить от омонимичной энклитики *ти*$_2$ ‘тебе’ лишь при наличии местоименных энклитик, ср.: *а Давыдъ* ***ти ми*** *не въдалъ* ‘а Давыд мне [гривну] так и не выдал’. Сочетание = *бо* = *ти*$_1$ не документировано. Постановка показателя сослагательного наклонения, энклитики *бы* (ранг 5), после энклитических частиц объясняется тем, что *бы* (исторически – часть парадигмы сосл. накл. глагола *быти*) было вовлечено в правило рангов Э. позже других частиц, после распада праслав. языка.

В памятниках домонгольского периода имеется несколько примеров употребления форм 1–2 л. сосл. накл. глагола *быти* в позиции, типичной для сентенциальных клитик, ср.: *а ныне* ***быхо*** [= *быхъ*] *посолале* [= *посълалъ*] ‘а теперь **я бы** послал [выделенное ей имущество]’, но они не представлены в цепочках с энклитическими местоимениями. Напротив, для формы 3 л. *бы*, а также для омонимичной ей формы 2 л. ед. ч. есть свидетельства того, что они, начиная с самых ранних текстов, употреблялись в цепочке клитик и ставились перед местоименными Э. Так, автор берестяной грамоты № 752, написанной ок. 1100 г., дважды в одной фразе ставит, соответственно, 3 л. ед. ч. *бы* и омонимичную форму 2 л. ед. ч. перед местоименными Э. *ти*$_2$ ‘тебе’ и *ся*: *аже* ***бы ти*** *годьнъ* [= *годьно*], *то из оцью* ***бы ся*** *вытьрьго притькль* ‘если **бы тебе** было угодно, то ты **бы** примчал**ся** в мгновение ока’.

Э. позднедревнерусского периода. В памятниках позднедревнерус. периода прослеживается тенденция к расширению правила рангов Э. за счет вовлечения в него новых частиц и связок. Новые Э. занимают позицию после частиц и связок. Наибольшее распространение в позднедревнерус. и ср.-рус. периоды получает энклитика *дѣ*(*и*), *де*(*и*) ‘по чьим-либо словам’, к-рая ставится после энклитики *бы*. Ср. пример XVI в., где *деи* стоит в цепочке после *бы*, но перед связочной энклитикой *еси*:

толко ***бы деи еси*** *его пожаловал*. В полоцких грамотах XIV–XVI вв. *дѣи* комбинируется с другими Э., но не имеет фиксированной позиции в цепочке. То же относится к реже встречающимся дискурсивным частицам *пак* ‘опять-таки’, *таки* и наречию *там*, к-рые тяготели к энклитическому употреблению, но не получили в языке полоцких грамот фиксированного места в цепочке. Прослеживается тенденция к энклитическому употреблению связок прош. вр. *былъ*, *была*, *было*, *были* в составе плюсквамперфекта. Если связка ряда *былъ* в позиции энклитики комбинируется со связкой наст. вр., в раннедревнерус. период и в большинстве диалектов в XIV–XV вв. она стоит последней, ср. *реклъ* ***еси былъ*** ‘ты ранее говорил’, в то время как в языке полоцких грамот установился обратный порядок связок – *реклъ* ***былъ еси***. В XVI в. порядок *реклъ былъ еси* распространился и в московских памятниках. Имелась тенденция к использованию связки *будетъ* в позиции энклитики в конструкции с причастием на *-л-* (см. Будущее время), ср.: *а кто* ***ти ся будетъ*** *продал пословицею новоторжанъ одернь* (XIV в.) ‘А если кто-нибудь сговорится продать тебе жителей Нового Торга в полную собственность’, но та же синтаксическая функция могла реализоваться и в начальной позиции, ср.: *а* ***будетъ*** *кто продалъ*. Напротив, процесс превращения связок 1–2 л. наст. вр. (ряд *есми*, *еси*) в Э. можно считать в др.-рус. языке завершенным, поскольку синтаксическая функция данных элементов в составе перфекта в памятниках, близких к живой речи, реализовалась исключительно в энклитическом употреблении.

Правила начальной составляющей. В разных языках, где действует закон Ваккернагеля, сентенциальные Э. присоединяются либо к первой ударной словоформе (ср. такие древние и.-е. языки, как хеттский и санскрит), либо к первой группе члена предложения (ср. современные болг., словенский и чеш. языки). Известны также языки, допускающие обе стратегии расстановки клитик (ср. совр. сербохорватский). Др.-рус. язык домонгольского периода требовал постановки сентенциальных Э. после первого ударного слова. Если первая группа члена предложения включала два или более ударных слова, Э. разрывали ее: *а в Руськои* ***ти*** *земли не велю быти*. Порядок **а* [*в Руськои земли*] ***ти*** *не велю быти* был невозможен. Единственная возможность сохранить неразрывную начальную груп-

пу в предложении с клитиками была связана с правилом барьера, отодвигавшим Э. вправо: *а в Руськои земли не велю* ***ти*** *быти*. К концу др.-рус. периода постановка Э. после первой группы предложения становится маргинально допустимой.

Правила барьера. Правила барьера, т. е. контекстные факторы, мешающие Э. присоединяться к начальному элементу предложения в языках, где действует закон Ваккернагеля, были основной причиной реализации др.-рус. Э. и цепочек Э. после не-первого ударного слова, ср. выше пример с барьером, перемещавшим возвратную клитику *ся* в контактную постпозицию к неначальному глаголу: *ожь =* ***ли*** *=* ***ся*** *право запирають* → *ожь =****ли*** *право запирають=****ся***. В подобных случаях правило барьера способствует превращению *ся* в глагольную морфему. Однако для самих правил барьера контактная позиция *ся* при глаголе и даже конкретный тип энклитики не были существенными (ниже в записи барьер отмечен знаком […]). Так, во фразе: [*в недоборехъ*] *плати =* ***ми*** *=* ***ся*** *животиною* ‘в случае недобора расплачивайся со мной скотом’ (XIV в.) – энклитика *ми* разделяет компоненты глагола *платити… ся*, при этом в ту же эпоху была допустима и препозиция *ся* к глаголу – *животиною ми ся плати*, поэтому *ся* тоже должно трактоваться как синтаксический элемент; во фразе: *на молодогъ далъ =* ***есемь*** *рубель* ‘на солод я дал рубль’ или ‘относительно солода: я дал на него рубль’ (XIV в.) – в постпозицию к глаголу *далъ* перемещена связочная энклитика *есемь*. Как правило, перемещенная энклитика ставится после глагола, но есть примеры, где энклитика присоединяется к другому элементу сказуемого, ср. [*онъ же нынѣ*] *ворогъ =* ***ми*** *=* ***ся*** *учинилъ*. Словоформа, к к-рой присоединяются Э., может выступать в роли ремы (смыслового центра, цели сообщения) и быть предметом логического выделения (‘а он теперь **врагом** моим сделался’).

Если в предложении имеется более одной сентенциальной энклитики, правила барьера могут действовать на всю цепочку энклитик либо на одну из энклитик, что приводит к разрыву цепочки. Чаще всего вправо сдвигается возвратная энклитика *ся*, но разрыв цепочки возможен и при других сочетаниях энклитик, ср.: [*а у королева =* ***еси*** *мужа*] *слышалъ =* ***ли*** *о томъ честномъ крестѣ?* ‘Не слышал ли ты о том честном кресте от посланца короля?’.

Все представленные в истории рус. языка разновидности правил барьера имеют точные внешние параллели в др. языках, в т. ч. в совр. слав. языках. А. А. Зализняк и В. Раданович-Коцич объясняют правила барьера особенностями фразовой просодии: по их мнению, в предложениях с барьером начальная группа члена предложения отделена от последующей части высказывания паузой. А. В. Циммерлинг видит главную причину в коммуникативной структуре: барьер почти всегда имеет коммуникативный статус темы. Возможно, указанные факторы сочетались и в приведенных выше др.-рус. примерах после начального барьера с коммуникативным статусом темы в произношении следовала пауза. Однако фразовая просодия др.-рус. языка ученым недоступна, за вычетом фрагментов, описываемых законом Васильева – Долобко. Поэтому корректным будет констатировать, что конечная позиция Э. в предложениях с барьером определяется взаимодействием формально-синтаксических правил (закон Ваккернагеля, правило рангов энклитик) и нек-рых несинтаксических (коммуникативных и просодических) факторов.

Дублирование Э. В др.-рус. текстах представлено дублирование энклитик, т. е. плеонастический повтор энклитики, к-рая ставится и после первой словоформы, и после неначального глагола: *мнѣ* ***ся*** *неможет****ся*** (см. Возвратные глаголы). Дублирование может рассматриваться как сбой в реализации правила барьера, когда энклитика перемещена в постпозицию к неначальному глаголу, но говорящий/пишущий одновременно оставляет ее и в позиции, предсказываемой законом Ваккернагеля.

Следы древнерусской системы Э. в современном языке. Система сентенциальных Э. сохранялась в рус. языке до конца XVII в. Еще на рубеже XVII и XVIII вв. и даже в начале XVIII в. отдельные авторы располагали энклитические частицы и слабоударные элементы предложения по правилам, близким к закону Ваккернагеля, ср.: *И спрашивалъ царь Бориса: есть* ***ли де*** *такие звѣри на Руси?* (1699); *Мне* ***бы де*** *с рук, а там все пропади* (И. Т. Посошков). Основным фактором, способствовавшим распаду системы Э., была утрата противопоставления полноударных местоимений и местоименных Э. к концу др.-рус. периода. Со 2-й пол. XVI в. употребление энклитических форм личных местоимений и препозитивного *ся* не соответствовало живой речи. Окончательно система Э. была

подорвана утратой связочных форм глагола *быти* в наст. вр. (*есми*, *еси* и т. п.), после чего единственным классом элементов, связанным со второй позицией от начала предложения, остались энклитические частицы. Дистрибуция частиц *ли*, *же*, *бы* в совр. языке, с нек-рыми оговорками, может считаться отражением закона Ваккернагеля. При развертывании предложения энклитика *ли* предшествует *бы*, а слабоударные личные местоимения ставятся после частиц, сходно с тем, как располагались др.-рус. Э., ср.: *Не согласились* ***ли бы вы*** *написать статью?* Перестановки слабоударных элементов затруднены или невозможны (**бы ли вы*, **ли вы бы*). Это подтверждает гипотезу о том, что последовательность *=ли=бы=вы* имеет свойства цепочки энклитик. Сдвиг Э. *же*, *ли*, *бы* вправо может быть объяснен правилами барьера, ср.: [*а Иван*] [*не*] *согласился* ***ли бы****?* – Э. *ли* и *бы* не присоединяются к начальной теме [*а Иван*] и к отрицанию [*не*]. В субнормативной речи возможен эффект дублирования частицы *бы*, ср. разг. *Я* ***бы*** *вам этого не простил* ***бы***.

Сочетание свободных Э. = *же* = *ли* в совр. литер. языке исчезло. Сложнее оценить статус сочетания = *же* = *бы*, к-рое остается возможным, ср.: *ну ты* ***же бы*** *не убила* (М. Кучерская). В текстах 1-й пол. XX в. такое сочетание может интерпретироваться как цепочка из двух свободных Э., ср.: *Не в теплушке* ***же бы*** *вы поехали* (И. Л. Солоневич). В предложениях типа *А теперь не в таком* ***же*** *ли положении и он сам*? (В. Быков) реализуется не сентенциальное *же*, а связанная частица *же*, относящаяся к *такой* ***же***. Общая диахроническая тенденция преобразования сочетаний *же* с последующими Э., наблюдаемая с первых письменных памятников по XX в., состоит в том, что по мере того, как число свободных сочетаний *же* + *ли*/*бо*/*ти*$_1$/*бы* сокращалось, число связанных употреблений энклитики *же* при союзных, местоименных и наречных словах (ср. др.-рус. *пакъ* ***же***, рус. *если* ***же***, *так* ***же***, *какой* ***же***, *опять* ***же*** и т. п.) возрастало. Поэтому интерпретация сочетаний типа *пакъ же ли*, *опять же бы* и т. п. в разные периоды истории рус. языка существенно зависит от времени создания памятника.

Есть основания полагать, что порядок развертывания свободных Э. *же* и *ли* поменялся в XVII–XVIII вв. В то время как в др.-рус. период *же* предшествовало *ли* (ср.: *пакы* ***жь ли****, послита* ‘в противном случае вы

двое пошлите’), в конце XVII–XVIII в. утвердился порядок *=ли=же*, ср.: *Не ученой* ***ли же*** *человек был, а погибл* (И. Т. Посошков); в более поздних текстах: *Мудрено* ***ли же****, правду сказать, что с такою политикою между нашими гренадерами поляки не слишком рады были незваным гостям?* (А. А. Бестужев-Марлинский); *Много* ***ли же*** *Ермолаев дает?* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *но мало* ***ли же*** *вообще людей гибнет* (В. В. Розанов). В совр. языке Э. *же* и *ли* в предложениях без барьера, как правило, ставятся после первой ударной словоформы, но в нек-рых случаях допускается и постановка клитик после первой группы члена предложения.

Фонетические факторы синтаксической эволюции. Р. О. Якобсон высказал мнение о том, что прекращение действия закона Ваккернагеля в истории рус. и др. слав. языков совпало или даже было вызвано изменением характера ударения от музыкального к динамическому. Доказательность этого суждения вызывает сомнение, т. к. закон Ваккернагеля и системы Э. сохраняются в большинстве совр. слав. языков независимо от присущего им типа словесного ударения. Вместе с тем Р. О. Якобсон, как позже и А. А. Зализняк, считал стандартной ту разновидность закона Ваккернагеля, к-рая была изначально присуща древним слав. языками, где Э. присоединялись к первому ударному слову. С этим уточнением объяснение Р. О. Якобсона остается одной из возможных гипотез, поскольку в истории рус. языка упадок системы Э. хронологически совпал с расшатыванием принципа постановки сентенциальных Э. после первой ударной словоформы, а прочие слав. языки (кроме сербохорватского) перешли на принцип постановки Э. после начальной группы предложения.

Васильев Л. Л. К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV–XVII вв. // ИОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 2. С. 216–217; Долобко М. Г. *Ночь – но́чесь*, *о́сень – осене́сь*, *зима́ – зиму́сь*, *ле́то – лето́сь* // Slavia. 1927. Roč. 4, seš. 2. С. 678–718; Дыбо В. А. Закон Васильева – Долобко и акцентуация форм глагола в др.-русском и ср.-болгарском // Вопр. языкознания. 1971. № 2. С. 93–114; Он же. Слав. акцентология. М., 1981; Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 113–165; Он же. Лингвистические исследования // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 280–308; Он же. Др.-новгородский диалект. М., 2004. С. 178–200; Он же. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2007. С. 45–73; Он же. Др.-русские энклитики. М., 2008; Зализняк А. А., Падучева Е. В. Об инициальном отрицании в др.-рус. и ст.-слав. языках // Падучева Е. В. Рус. отрицательное предложение. М., 2013. С. 290–303; Иванова Е. Ю. Рус. частица *бы*

на общеслав. фоне // Slavica Wratislaviensia. 2014. Т. 159. С. 149–158; Толстая М. Н. Карпатоукр. энклитики в юж.-слав. перспективе // Карпато-балканский диал. ландшафт: Язык и культура. М., 2012. С. 190–210; Циммерлинг А. В. Системы порядка слов слав. языков в типологическом аспекте. М., 2013. С. 291–509; Anderson S. Aspects of the theory of clitics. Oxford, 2005; Dimitrova-Vulchanova M. Clitics in the Slavic languages // Clitics in the languages of Europe. Berlin, 1999. P. 83–121; Franks S., King T. A handbook of Slavic clitics. New York, 2000; Halpern A. L. Introduction // Approaching second: Second position clitics and related phenomena. Stanford, 1996. P. ix–xxiii; Jakobson R. Les enclitiques slaves // Jakobson R. Selected writings. Vol. 2. The Hague; Paris, 1971. P. 16–22; Klavans E. On clitics and cliticization: The interaction of morphology, phonology and syntax. New York, 1995; Pancheva R. The rise and fall of second-position clitics // Natural Language and Linguistic Theory. 2005. 23 (1). P. 103–167; Pavlović S. Distribucija enklitika u starosrpskim poveljama i pismima XII i XIII veka // Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. 2011. LIV/2. S. 31–52; Radanović-Kocić V. The placement of Serbo-Croatian clitics: A prosodic approach // Approaching second: Second position clitics and related phenomena. Stanford, 1996. P. 429–448; Sadock J. A multi-hierarchy view of clitics // Proceedings of the Chicago Linguistic Society. 1995. 31, pt. 2. P. 258–279; Selkirk E. The prosodic structure of function words // University of Massachusetts Occasional Papers. 18: Papers in optimality theory. Amherst, 1995. P. 439–470; Spencer A., Lúis A. Clitics: An introduction. Cambridge, 2012; Stang C. Slavonic accentuation. Oslo, 1957; Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. Bd. 1. S. 333–436; Zimmerling A., Kosta P. Slavic clitics: a typology // Language Typology and Universals. 2013. Vol. 66, No. 2. P. 179–214; Zwicky A. On clitics. Bloomington, 1977.

А. В. Циммерлинг

Проанализируйте позиции энклитик.

дѣти плачютьсѧ. ѥгда сѧ бы имъ веселити крьщениѩ твоѥго ради (Златоструй XII, 5в); аще бо всѣхъ избавлѧаше. кто сѧ бы моучілъ (Слово Ипполита об антихристе кон. XII, 122а); и въ поуть поидохомъ. и прилоучи ны сѧ на поути съблазнити (Софийский пролог сер. XIII, 217б); сп҃съ же сѧ азъ ѡдиныи. придохъ. възвѣстить тебѣ (Паремейник 1271, 179г); щадить же ли ти сѧ въ годиноу врагомъ (Ibid., 192г); Съ вълхы [так!] рожьшемоу сѧ поклонимъ (Минея на декабрь, 2-й пол. XIII, 229); наоучи же сѧ неиздреченьнъ таинъ ѿ ст҃го ѥрофѣѩ (Псковский пролог 2-й пол. XIII, 9в); и ѡ содомѣ молѧше ми сѧ да ѥго не погоублю (Толстовский сборник 2-й пол. XIII, 4); кр(с)томь же сѧ прѣображесѧ (Праздники кон. XIII, 17); оутро бо ми реклъ ц(с)рь. ѥже оусвьне. тоже вы хощю посѣщи (Чудеса Николая Чудотворца кон. XIII, 8 об.); Да сѧ соудѧть [позднее приписано вверху *сѧ*] ѩзыци предъ тобою (Псалтырь 1296, 17 об.); не вѣдѧшеть бо сѧ что творѧще (Палея 2-й пол. XIV, 130г); ни б҃атьствомъ лзѣ сѧ окупитисѧ (Сильвестровский сб. 2-й пол. XIV, 4б).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Под редакцией В. Б. Крысько

Москва
«Азбуковник»
2020

УДК
ББК
И90

Исследование и издание осуществлены при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-012-00307

Авторы:

О. Ф. Жолобов, д-р филол. наук (Казанский федеральный университет)
С. И. Иорданиди, д-р филол. наук (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)
В. Б. Крысько, д-р филол. наук (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)
А. М. Кузнецов, Dr. Philol. (Даугавпилсский университет, Латвия)
Г. А. Мольков, канд. филол. наук (Институт лингвистических исследований РАН)
Я. А. Пенькова, канд. филол. наук (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)
П. В. Петрухин, канд. филол. наук (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)
М. Б. Попов, д-р филол. наук (Санкт-Петербургский государственный университет)
Д. В. Руднев, д-р филол. наук (Санкт-Петербургский государственный университет)
В. Б. Силина, д-р филол. наук (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)
А. В. Циммерлинг, д-р филол. наук (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина / Институт языкознания РАН / Московский педагогический государственный университет)

И90 **Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь** / Под ред. В. Б. Крысько. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2020. – 520 с.

ISBN 978-5-91172-192-3

Коллективная монография представляет собой компендиум по исторической грамматике русского языка, отражающий в сжатой форме систему современных научных знаний о развитии фонетико-фонологического и грамматического строя русского языка от его истоков до настоящего времени. История основных явлений и процессов русской языковой эволюции излагается в форме 45 энциклопедических статей, которая позволяет с возможной полнотой рассмотреть развитие звуковой, морфологической и синтаксической систем, отразить и оценить важнейшие теории и гипотезы на основе фактологически выверенного анализа. Форма изложения и сопутствующие большинству статей методические материалы призваны обеспечить доступность словаря не только для специалистов-филологов, но и для студентов-гуманитариев, а также для широких кругов общественности, интересующихся историей России и русского языка.

УДК
ББК

ISBN 978-5-91172-192-3

© В. Б. Крысько, редактор, 2020
© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Условные сокращения 9
Основные древлехранилища в России 10

СЛОВАРЬ

Аканье 11
Будущее время 21
Вид 31
Винительный падеж 38
Возвратные глаголы 49
Вторичное смягчение полумягких согласных 55
Дательный падеж 67
Древнерусский язык 71
Залог 89
Звательная форма 93
Именительный падеж 96
Именное склонение 105
Инфинитив 124
Исторические словари 135
История звукового строя русского языка 144
Местный падеж 170
Местоимения 172
Настоящее время 190
Нерегулярные изменения в области фонетики 202
Одушевленность–неодушевленность 212
Палатализация 218
Палеография и графика 233
Переход /е/ в /о/ 258
Переход /ky/, /gy/, /xy/ в /k’i/, /g’i/, /x’i/ 269
Переходность–непереходность 275
Письменные источники по истории русского языка 279
Повелительное наклонение 296
Полногласие и неполногласие 300

Прилагательные 312
Причастия 320
Простое предложение 330
Прошедшее время 355
Редуцированные 369
Род 384
Родительный падеж 387
Сложное предложение 391
Сослагательное наклонение 406
Степени сравнения 407
Супин 413
Творительный падеж 414
Ударение 417
Числительные 448
Число 460
Энклитики 478
Ять 495

Index rerum et verborum 506